

МАТВЕЕВ А. К.

**АРХАИЧЕСКАЯ РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР**

Север европейской части СССР и Урал не относятся к исконно русским землям: бассейн Северной Двины стал интенсивно осваиваться русскими с XI—XII вв., Северное Приуралье (бассейны Печоры и Камы) — с XV в., а Зауралье — еще позднее. Уже это обстоятельство сдерживало поиск русских топонимических древностей на территории всего северо-востока европейской части СССР. Напротив, исследователей привлекал здесь мощный пласт субстратных названий финно-угро-самодийского происхождения, который обеспечил необозримое поле деятельности для нескольких поколений топонимистов и до сих пор еще в значительной степени остается загадочным. Это также способствовало ослаблению внимания к русским элементам топонимии севера европейской части СССР (в дальнейшем — Севера) и Урала, считавшимся сравнительно новыми. Одновременно утвердился взгляд, в соответствии с которым русская и финно-угро-самодийская топонимия всегда находятся в одном определенном соотношении: топонимия аборигенов предшествует русским названиям.

Между тем русская топонимия Севера и Урала хронологически неоднородна и содержит многочисленные архаические элементы. Соотношение русской топонимии и названий аборигенов тоже не всегда можно свести к простой формуле: топонимия коренного населения — нижний пласт, русские географические названия — верхний.

Нельзя сказать, что архаические русские элементы в топонимии Севера совсем не привлекали внимания. Однако исследователей интересовала либо эволюция частных топонимических систем — Белозерского края, Зонежья, Пинежья, Тотемского уезда и т. д. [1—5], либо топонимия как исторический источник для изучения отдельных тематических групп русской лексики [6]. Что касается архаической русской топонимии Урала, то она вообще не была предметом исследования.

В статье рассматриваются некоторые теоретические и методические вопросы изучения архаических элементов русской топонимии всего северо-востока европейской части СССР, т. е. и Севера и Северного Урала (в широком смысле — географически Полярного, Приполярного и собственно Северного Урала), поскольку в формировании топонимических систем на этих территориях было много общего: Север — исторически Новгородское Заволочье — являлся базой для русских первопроходцев, осваивавших Урал в его северной части. Поэтому сначала характеризуются архаические русские элементы топонимии Севера. Это позволит многое понять в формировании топонимии Северного Урала и вместе с тем увидеть общее и различное в процессах, происходивших в топонимии двух смежных, но все-таки различных в историко-географическом отношении областей.

Прежде всего необходимо определить, что понимается под архаическими элементами русской топонимии. Как уже было сказано, в топонимии Севера широко представлены и русские, и субстратные (финно-угро-самодийские) названия, при этом субстратные топонимы, если не учитывать их происхождение, также должны рассматриваться как факт русского языка. В соответствии с существующей традицией все русские названия хронологически членятся на три группы: древнерусскими считаются топонимы, упомянутые в памятниках до XIV в. включительно, старорусскими — в документах XV—XVII вв. [7], а новорусскими — в еще более поздних источниках. В зависимости от времени усвоения¹ и субстратные топонимы тоже должны рассматриваться как древне-, старо- и новорусские. Древне- и старорусские топонимы, функционирующие и в настоящее время, или исчезнувшие, но засвидетельствованные в древне- и старорусских памятниках, квалифицируются как архаические. Так, исконно русское название *Орлецы* следует считать древнерусским, поскольку городок Орлец на Двине был основан в XIV в. (1342 г.), о чем имеется прямое указание в исторических документах, субстратный топоним *Тойма* тоже должен квалифицироваться как древнерусский, поскольку в форме *Тоима* он упоминается в Уставной грамоте 1136/1137 гг.

Следует, однако, иметь в виду, что топонимы могли возникнуть в русском языке или быть заимствованы русскими у коренного населения значительно раньше момента их фиксации в памятниках. Поэтому среди названий, определяемых по памятникам как старорусские, могут быть и древнерусские, а среди названий, определяемых как новорусские, — и древне- и старорусские. В этом случае уточнить время появления названия иногда можно, обратившись к фактам истории русского языка. Если же название вообще не фигурирует в памятниках, то о времени его возникновения можно судить только по результатам фонетического, словообразовательного или лексикологического анализа, в некоторых случаях помогающих выявить признаки архаичности.

Так, по мнению Г. Борека, названия с суф. *-ица* за редкими исключениями характерны только для территории заселения первоначальной Руси [9, с. 159]. На самом деле они широко распространены и на Севере как среди собственно русских, так и субстратных наименований, ср., например, *Болотница, Боровица, Гиблица, Зимница, Ольховица, Стрелица, Студеница и Волбица, Ихалица, Моткомица, Пажница, Пурновица, Ухтомица, Шидровица*. Суф. *-ица* справедливо считается древним [9, с. 165], а предположение о том, что названия с этим суффиксом на Севере являются архаическими (древне- или старорусскими), находит подтверждение в лингвогеографических данных: на Урале, заселяемом русскими с XV—XVI вв., названия на *-ица* еще изредка встречаются (гидронимы *Волосница, Сыльвица* и некот. др.), но они почти не отмечены в Сибири, где массовая русская топонимия появляется только в XVII в.

Конечно, этот вывод относителен. Г. Борек правильно указывает, что в топонимии формант *-ица* долго сохранял свою продуктивность [9, с. 165], и факты подтверждают, что в некоторых случаях словообразовательная модель с суф. *-ица* могла действовать и в новорусский период. Так, название горы *Круглица* близ города Златоуста на Южном Урале возникло не раньше XVIII в., когда русские заселили эти места. Воз-

¹ О неодновременности процесса усвоения топонимии аборигенов русскими см. [8, с. 76—77].

можно, и на Севере некоторые названия на *-ица* являются сравнительно новыми, но архаический характер большинства из них не подлежит сомнению: на это указывают и многочисленные фиксации топонимов на *-ица* в древне- и старорусских источниках. Дифференцировать древне- и старорусские названия на *-ица* без учета свидетельств памятников, однако, невозможно.

Иногда древность названий подтверждается архаичностью соответствующих реалий и лексем, ныне забытых или функционирующих только как стилистические историзмы, ср. *смердь* «крестьянин; подданный» (река *Смердьля*, озеро *Смердье*, в грамотах XV в. — *Смердьи места*), *тиунъ* «управитель» (остров *Тиунец*, *Тиунский Камень*, в грамоте начала XVII в. — *Тиунский берег*, *робъ* «слуга; раб» при современных диалектно-просторечном *робить* и общерусском *раб* (поле *Робье*, болото *Робий Мох*, луг *Робово*). Причем противопоставление форм *робъ* и *рабъ* (>*раб*) показательно и как пример использования фонетического критерия для установления архаичности топонимов. Однако и этот прием в большинстве случаев не позволяет дифференцировать древне- и старорусские названия. В частности, слова *смердь*, *тиунъ*, *робъ* (*роба* «служанка», «раба») зафиксированы как в древне-, так и в старорусских памятниках.

Еще сложнее доказать древность названия в тех случаях, когда в русских народных говорах функционируют соответствующие диалектные лексемы. Так, название реки *Леповатица*, если допустить его связь с древним прилагательным *лѣный* «красивый; хороший»², должно быть причислено к весьма старым названиям и свидетельствовать о существовании некогда в русском языке слова *лѣповатый*, которое не отмечено в «Словаре русского языка XI—XVII вв.». Однако наличие в русских народных говорах слова *лепо* «красиво; хорошо», *лепота* «красивая внешность» и т. п. позволяет допустить, что в них может существовать (или существовало) незафиксированное слово *леповатый* со значением «довольно красивый» или близким к нему. И только древний суффикс *-ица* является дополнительным доводом в пользу архаичности гидронима *Леповатица*. Короче говоря, лишь в тех случаях, когда соответствующей лексемы нет в диалектных источниках и она обозначает устаревшую реалью, можно с уверенностью считать топоним архаическим, хотя и не представляя более или менее точно время его возникновения.

Процесс формирования русской топонимии на Севере значительно осложнялся тем, что между двумя стихиями — финно-угро-самодийской и русской — происходило интенсивное языковое взаимодействие. В процессе этого взаимодействия разрушалась топонимия коренного населения, которая в разных формах осваивалась русскими [8, 10]. Для формирования русской топонимии особенно важно было калькирование. Поскольку топонимия с обильным субстратом, как правило, содержит кальки, среди древне- и старорусских названий Севера есть, видимо, много калек, но доказать сам факт калькирования таких русских названий, как, например, озеро *Белое* или река *Черная*, почти всегда невозможно, если только мы не имеем дело с так называемыми метонимическими кальками [8, с. 80—81].

² В качестве этимона для этого топонима с учетом фонетического перехода *a > э* после мягкого согласного могут быть предложены также русские диалектные слова *лѣповатый* «в ляпках, пятнистый» и **ляповатый* (ср. *ляповато* «неумело»), но семантически они, особенно второе слово, менее удовлетворительны. В топонимической картотеке Севера, составленной экспедицией Уральского университета, названий с основой *ляповат-* нет.

В тех редких случаях, когда иноязычное название семантически и структурно тождественно русскому топониму, калькирование указывает на древность топонима: русск. *Белозеро* соответствует фин. *Valkeajärvi*, вепс. *Väuktaf* «Белое озеро», и действительно русский топоним известен с IX в.

Единственным структурным признаком, по которому можно было бы установить калькированный характер того или иного русского топонима, является основосложение (ср. раннюю форму *Бьлоозеро*), однако названия типа *Княжостровъ*, *Великокурья*, *Малокурья* (в памятниках XIV—XV вв.) могли возникать и на собственно русской почве [11], особенно под влиянием широко распространенных на Севере полукалек типа *Пертозеро* и полных калек типа *Белозеро*.

Если не учитывать калькирование, то с этимологической точки зрения все множество топонимов Севера может быть расчленено на три группы: 1) субстратные топонимы (*Мустюга*, *Онега*, *Пинега*, *Юг* и т. п.), 2) исконно русские топонимы (*Брусенец*, *Городишна*, *Золотица*, *Стрельна* и т. п.), 3) топонимы, принадлежность которых к первой или второй группе спорна. Возникновение последних обычно бывает связано с такими процессами, как переход названий из одного ряда в другой (по основам или по формантам) и народная этимология.

Показательно наименование крупного правого притока Онеги *Вб-лошка* (*Волбшка*). Казалось бы, гидроним *Волошка* входит по основе в один ряд с такими наименованиями, как *Вологда*, *Волома*, *Волонга*, *Воломень*, *Волюга*, а по форманту восстанавливаемая форма **Волоша* (> *Волош-ка*) соответствует названиям типа *Коноша*, *Ундоша*, *Шоноша* и т. п. Но местное население употребляет и другую форму этого гидронима — *Вблга*. Самое простое отнести название *Волга* к ряду *Волгозеро*, *Волгуда*, *Волгуша*, *Волгуж* и т. п., считая наименование *Волга* изначальным, совпадающим с наименованием великой русской реки и возможно генетически одного с ним происхождения. Однако все может обстоять сложнее, так как в памятниках XVII в. засвидетельствован географический термин *воложка* (< *Волга*), первоначально обозначавший рукав (приток) Волги или Камы. Этот термин иногда утрачивает связь со своим этимологом, деэтимологизируется и варьирует фонетически, семантически и структурно: перм. *влошка* «приток, рукав реки», ярослав. *волбша* «речка», арх. *волошъ* «рукав; пролив, соединяющий две речки». Теперь остается только гадать, что могло произойти: перешло ли местное название *Волга* в *Воложка* > *Волошка* или русские перенесли на север географический термин *вбложка*, *вблешка* и т. п., а вариант *Волга* был извлечен из *Воложка*. Кроме того, ничто не мешает восстановить исходную форму **Волоша* (или **Воложа*), восходящую к языку коренного населения, которая затем была осмыслена как русский географический термин, т. е. подверглась народной этимологии. Таким образом, взаимодействие собственно русской и субстратной топонимии ведет в этом случае к такому множеству решений, что все возможности трудно учесть.

Только с учетом народного осмысления можно рассматривать и очень трудный для интерпретации гидроним *Двина*. Как известно, было предпринято множество попыток объяснения этого названия и на индоевропейской (в частности, на балтийской), и на финно-угорской почве. Между тем, бесспорно одно: др.-исл. *Vína*, карельск. *Viena* и русск. *Двина* невозможно отделять друг от друга. Традиционно более древними словами считают карельское и древнеисландское, поэтому вполне возможно, что русск. *Двина* возникло на почве народной этимологии к слову *два*. Если

это так, то народно-этимологическая переработка *Viena (Vina)* > *Двина* произошла очень рано, так как гидроним *Двина* зафиксирован в древнерусских источниках. Авторы XVI—XVIII вв. уже были убеждены в том, что название *Двина* образовано от русского *два*, ср.: «Область Двина и река, возникшая от слияния рек Юга и Сухоны, получили имя Двины, ибо Двина по-русски значит два или по два» [12, с. 127], «самое название которой Двина говорит о том, что это двойная река» [13], «Двина, то есть река из двух рек начало свое имеющая» [14].

Но есть факты, позволяющие построить иную версию происхождения этого интересного слова. В свое время Б. А. Ларин опубликовал материалы Ричарда Джемса, в которых фигурируют старорусские словосочетания *vinu dvina* «(двойное) вино» и *brate dvina* «единоутробный брат» [15, с. 125, 164]. В своих комментариях и Б. А. Ларин пишет: «Двина-река названа так потому, что возникает из слияния двух рек (Сухоны и Юга)» [15, с. 231].

Топонимическая экспедиция Уральского университета неоднократно фиксировала в различных районах Севера названия полей и лугов *Двиньки*, *Двиньы*, которые невозможно прямолинейно выводить из названия реки *Двина́* (местное *Двина*). В Кичменско-Городецком районе Вологодской области был зафиксирован также архаический апеллатив *двиньѣ* «две полосы рядом» («если полосы короткие, возьмет да достанется две полосы рядом, вот и двиньы. слово-то это старинное»). Индоевропейские связи этого диалектного слова уже установлены этимологами [16].

Отсюда, конечно, не следует, что русск. Двина восходит непосредственно к апеллативу *двина* и что получено решающее доказательство славянского (или шире — индоевропейского) происхождения этого гидронима. Вместе с тем и не учитывать возможность славянской (индоевропейской) этимологии было бы преждевременно: восточные славяне могли довольно рано узнать о большой северной реке. Ненецкое название столь значительной реки, как *Мезень*, *Лободка-Яу* «Море у слободки» [17] наглядно показывает, что русские наименования в некоторых случаях могли усваиваться коренным населением: река получила название по городу Мезень, который ненцы именуют *Лободка* (< русск. *Слободка*), поскольку местные русские жители даже на рубеже XIX—XX вв. называли свой город *Большой Слободкой* [18].

Таким образом, есть два пути этимологизации гидронима (Северная) *Двина*: считать его славянским (индоевропейским), что подтверждается фонетическим развитием инициальной группы *dv* > *v*, закономерным для финно-угорских языков, или рассматривать как дославянское и неиндоевропейское, объясняя преобразование *v* > *dv*, незакономерное для славянских языков, с помощью народной этимологии к русск. *двина*, *двиньы*.

Предположение М. Фасмера о том, что название (Северная) *Двина* появилось в результате переноса гидронима (Западная) *Двина* [19], можно принять, рассматривая этот перенос как особый случай той же народно-этимологической адаптации неславянского гидронима: немотивированный перенос названия на такую значительную реку маловероятен. Однако в свете всего сказанного столь же допустимо, что эти два названия возникли независимо друг от друга, но восходят к одному общему славянскому (индоевропейскому) источнику. Возможности этимологического объяснения слова *Двина* на индоевропейской почве подробно рассматривает М. Фасмер [19].

Названия с такой сложной историей, как у топонимов *Волошка* и

Двина, на Севере довольно многочисленны, однако в большинстве случаев субстратные и русские топонимы различаются без труда. Но и среди неясных на первый взгляд наименований могут быть обнаружены названия, которые следует относить к древне- или старорусским. Так, название левой составляющей Северной Двины *Сухона*, несмотря на явную близость к слову *сухой*, из-за ударения на первом слове и необычного для исконно русских гидронимов Севера суффиксального оформления ассоциируется с субстратными наименованиями типа *Сбяна*, *Сямжена* и вынуждает думать о народной этимологии на русской почве. Однако еще М. Фасмер справедливо настаивал на славянском происхождении этого гидронима, который он выводил из **Суходъна* или непосредственно из др.-русск. *сухона* — «сухость, жар», зафиксированного в документе XIV в. [20, с. 814]. Вторая версия находит убедительное подтверждение в аналогичных топонимах Севера, прилагаемых к объектам, находящимся далеко от Сухоны: ручей *Сухонец* (басс. р. Устья), река *Сухона* (басс. р. Онега), луг *Сухоны* (низовья Северной Двины). По-видимому, в севернорусских говорах ранее существовало слово *сулона* со значением «сухое место» или близким к нему. Предлагаемая этимология согласуется и с физико-географическими характеристиками объекта: «нижняя часть Сухоны... так мелководна, что для глубоко-сидящих судов может служить только весной...» [21]. Полное отсутствие основы *сух-* в субстратной гидронимии Севера со своей стороны поддерживает версию о славянском происхождении наименования.

Таким образом, есть основания видеть в названии *Сухона* архаический русский гидроним с суф. *-на* [22]. На Севере обычны адъективные образования *Сухой* (ручей), *Сухая* (речка), *Сухое* (болото), *Сухона* — единственная и притом не очень распространенная субстантивная топонимическая модель, мотивированная прилагательным *сухой*. Утрата апеллятива повлияла и на судьбу топонима. Деэтимологизация обусловила формальное соотнесение этого названия с субстратными гидронимами на «гласный + *на*», имеющими ударение на первом слове, и акцентологическую инновацию.

Этот пример свидетельствует, что поиск архаических русских топонимов на Севере должен охватывать и названия крупных рек (ср. выше о гидрониме *Двина*). Обычно на том единственном основании, что наименования значительных объектов чаще бывают более древними, их без раздумий относят к числу субстратных. Однако процесс формирования топонимических систем отличается большой сложностью: новое население первоначально знакомится с наиболее значительными объектами, и поэтому среди названий таких объектов могут оказаться относительно более новые. Этот вывод в общем согласуется с наблюдениями Г. В. Гамкрелдзе и В. В. Иванова о закреплении древних индоевропейских и иранских названий рек за соответственно мелкими и более крупными гидрообъектами [23]. Он расходится с традиционными представлениями [24] и еще раз подтверждает простую истину, что жизнь языка богаче навязываемых ему схем.

Несколько иную ситуацию находим на Северном Урале. Архаические русские названия здесь встречаются реже и хронологически могут быть квалифицированы только как старорусские. Известно, например, что *Соликамск* (первоначально *Соль Камская*) был основан в 1430 г., *Пустозерск* (*Пустозерский остров*, *Пустозерский городок*) — на рубеже XV—XVI вв., *Усть-Цилемская слобода* — в 1544 г. Как и на Севере, указания на дату происхождения топонимов в исторических документах об-

наружить можно не всегда, потому иногда помогает история языка, в частности, историческая лексикология. Однако на Урале дифференцирующую роль играют другие тематические группы. Так, например, печорские названия *Поганый Нос*, *Поганческая изба*, *Болвановский Нос*, *Пищальный бор* и т. п. скорее всего относятся к старорусским, поскольку они указывают на специфику восприятия русскими языческих верований аборигенов или на старинное оружие. Как уже было замечено, этот прием требует осторожности: слово *полковник* встречается в русских источниках XVII в. [20, с. 311; 25], но название мыс *Полковника* на берегу Карского моря возникло только в середине XIX в., когда в устье Кары побывала научная экспедиция под руководством полковника Э. К. Гофмана.

Наибольший интерес представляют на севере Урала прежде всего те русские названия, которые так или иначе связаны с деятельностью русских первопроходцев.

Хорошо известно, что через северную часть Урала пролегали первые пути в Сибирь. Таких путей на громадном протяжении Уральского Севера было несколько, и на каждом из них первопроходцев ожидал трудный волок через Уральские горы. Наиболее известными и важными в XV—XVI вв. были два печорских волока (усинско-собский и пугорский) и вишерско-лозьвинский волок, который стал особенно широко использоваться со второй половины XVI в. после падения Казани [26, с. 64—68]. В дальнейшем речь пойдет в основном о топонимии наиболее древних печорских «чрезкаменных» путей.

Хотя значение того или иного «чрезкаменного» пути со временем менялось в зависимости от исторических обстоятельств, тем не менее сохранились русские названия многих географических объектов, находящихся вдоль старинных «чрезкаменных» путей или близ них. Устойчивое употребление этих названий можно объяснить только их длительным функционированием как у русских, так и среди местного населения, находившегося в контакте с русскими. Таковы, например, гидронимы *Волоковка* (басс. Щугора), *Волочанка* (басс. Собя), упомянутая в «Книге Большому Чертежу» (1627 г.), *Залазная*, *Торговая*, *Пятидырка* (имеется в виду количество протоков, на которые расходится река в порогах) и т. п.

На Северном Урале, как и на Севере, происходили интенсивные языковые контакты. Однако топонимия коренного населения (ненцев, коми, манси, ханты) образует здесь функционирующий («живой») слой, поэтому для изучения трудных названий на Урале особое значение имеют параллельные финно-угро-самодийские топонимы, тем более что в ряде случаев появление русских названий и в этих местах явно связано с процессом калькирования. Так, кальками являются топонимы река *Щучья* (ненец. *Пирыя Яха* «Щучья река»), гора *Молебный Камень* (манс. *Ялпың Нёр* «Святой Камень»), а также приведенное в «Книге Большому Чертежу» название гора *Князькова*. На этом последнем случае ввиду его фиксации в старорусском источнике XVII в. следует остановиться особо. Приведем контекст: «А от верху Усы до верху горы Князьковой 150 верст; а промеж тех рек и реки Оби... самаядь кочевая» [27]. Указание на кочевую самуюдь (ненцев) позволяет искать источник предполагаемого калькирования в ненецком языке. Действительно, самая высокая гора в этой части Урала называется *Пайер* (ненец. *Пэ Ерв* «Хозяин Урала», «Владыка Урала»). Ср. у М. А. Кастрена: «Самоеды называют Урал Пае, т. е. камнем, а самую высокую вершину... Пае иеру — «Князь» или «Господин Урала» [28]. Остается добавить, что от верховья Усы до

Пайера по прямой линии 150 километров, т. е. данные «Книги Большому Чертежу» очень точны, и что в русском языке калькирование было дополнено переосмыслением: «Князь-Гора» стала Князьковой горой.

Обычно в качестве кальки рассматривается и старинное наименование Урала — *Камень* (манс. *Нёр*, хант. *Кев*, коми *Из* «Камень», «Урал», пенец. *НГарка* " *Пэ* " «Большие Камни»), однако более вероятно, что исконно русское слово *камень* получило на Урале новое вторичное значение «каменная гора». Это было связано с тем, что русские познакомились с новыми для них реалиями — высокими каменными горами. Развитию такого значения со своей стороны могла способствовать семантика названий Урала в языках коренного населения.

В то же время надо отметить, что на Северном Урале крайне редко встречается столь обычное для калек Севера основосложение (ср. чуть ли не единственный пример — старорусское *Пустозеро* > *Пустозеро* > *Пустозерск*). Это, видимо, связано с преобладанием здесь маргинального типа языкового контактирования, которое отразилось в заимствовании географических названий из функционирующих финно-угро-самодийских языков, но не имело таких серьезных последствий для формирования системы русских географических названий, как возникновение субстратной топонимии на Севере.

Есть на Северном Урале и примеры оригинальных русских моделей. Таково название реки *Паток*, притока Щугора, ср. русск. *патока*, русск. диалектн. *паточина* «источник, родник, текущий из болота или озера», засвидетельствованное уже в исторических документах XV—XVI вв. Сам Щугор осмыслялся как основной *поток*, наиболее значительные притоки — *Большой* и *Малый Паток* — как побочные. Модель эта хорошо известна в русском языке и отражена, например, в таких парах слов, как *русло* — *парусло* «старица», *солнце* — *пасолнце* «побочное солнце», *облако* — *паоблако* «низкое облако от поднимающегося тумана» и т. д.

Первопроходцы называли не только реки, но и наиболее важные вершины: гору *Столы*, упоминаемую С. Герберштейном в связи с известным походом 1499—1500 гг. [12, с. 133], отождествляют с Тэл-Поз-Изом, самой значительной вершиной на берегу Щугора. Но доказательств этого пока нет. В других случаях нет уверенности в том, что русские названия гор являются старыми (*Сабля*, *Колокольня*, *Заячьи Горы*), поскольку соответствующие объекты удалены от «чрезкаменных» путей и ни в форме, ни в семантике названий не содержатся указания на их архаичность. Исключение представляет собою название *Полюдов Камень* (басс. камской Вишеры), так как *Полюд* — древнерусское имя. Известен, например, новгородский боярин *Полюд*, живший в XIII в. [29]. Фамилия *Полюдов* распространена и сейчас в Пермской области. Там же есть и несколько деревень с названием *Полюдово*. Личное имя *Полюд* связано с древнерусским словом *полюдие* «бор дани», диалектным *полюдный* «общительный, обходительный» (о человеке). Поэтому надо думать, что *Полюдов Камень* — старорусский топоним.

Наличие русской топонимии на старинных путях к Уралу и через Урал позволяет понять такое своеобразное явление, как появление русских по происхождению топонимов в печорских и ижемских говорах коми языка. Дело в том, что первые поселения коми на нижней Печоре относятся к XVI [30], а на средней Печоре — к XVII столетию [31], тогда как русские стали использовать печорские «чрезкаменные» пути в северное Зауралье еще раньше (путешествие по Оби упоминается под 1364 г., поход П. Ф. Ушатого и С. Ф. Курбского состоялся в 1499—1500 гг.).

Интересны предания щугорских коми, которые приводит Б. В. Безсонов, путешествовавший по Щугору в начале XX в.: «Овин-парма называется так потому, что тут на середине реки торчит огромный камень, напоминающий видом своим овин. Откуда взялось это название, ...сказать трудно, но некоторый свет... проливает часто упоминаемое... при рассказе указание времени: „Это еще когда тут русские рыбу ловили или охотились“» [32, с. 117]. В другом месте Б. В. Безсонов пишет о названии порога *Молебный-кось* «Молебный порог», что тут молились русские рыбаки, чтобы благополучно пройти порог («опять русское название, остаток тех времен, когда здесь были русские люди») [32, с. 121].

Показательны и названия крупных притоков Щугора, явно имеющие русское происхождение, а затем усвоенные коми: *Большой Паток* (коми *Ыджыд Патӧк*), *Малый Паток* (коми *Ичӧт Патӧк*), *Глубник*, *Торговая* (коми *Тӧргӧвӧй*), *Волоковка*. Выше Волоковки у Щугора уже нет крупных притоков, а небольшие речки имеют коми или мансийские наименования, так как русские в верховья Щугора не поднимались. Что касается названий небольших речек, а также порогов ниже Волоковки, то и среди них очень много русских по происхождению (ручьи *Семидырка*, *Пятидырка*, *Дурной*, *Молебный*, *Большой* и т. п.), причем они часто выступают в коми оформлении (ручьи *Дурной-Ель*, *Мертвой-Ель*, пороги *Молебной-Кось*, *Рублевой-Кось* и т. д.). В целом топонимия Щугора содержит явный старорусский «субстрат» и является настоящим памятником русским первопроходцам: «Русские названия впадающих в р. Щугор речек... как будто указывают, что тут когда-то была какая-то дорога, хотя по Щугору в настоящее время не существует никаких поселений» [33].

Системный анализ названий усинско-собского волока дает несколько иные результаты. Этот путь рано освоили коми, которые заселили бассейны Усы. Поэтому среди наименований крупных притоков Усы много прозрачных коми гидронимов типа *Адэва* «Луговая вода» и *Льӧмва* «Черемуховая вода». Однако и здесь сохранились этимологически прозрачные старорусские наименования двух крупных притоков Усы *Большая Роговая* и *Малая Роговая*. Названия эти были даны за находки бивней мамонта, которые привлекли внимание первопроходцев, основавших на берегу Усы *Роговой городок* (нач. XVII в.). Коми формы *Ыджыд Рӧгӧвӧй* «Большая Роговая» и *Лӧк Рӧгӧвӧй* «Малая Роговая» (букв. «Плохая Роговая») явно вторичны. В целом же старорусская топонимия усинско-собского волока раньше и интенсивнее стала перерабатываться коми, чем наименования щугорского волока, и потому сохранилась хуже.

Таким образом, при анализе топонимии Северного Урала выявляется ряд старинных русских названий, частью калек, частью представляющих собой собственно русские словообразования.

Это в свою очередь позволяет предложить русскую этимологию и для некоторых загадочных названий рек, например, гидронима *Собь*.

Название *Собь* (левый приток Оби) можно связать с коми-зырянским глаголом *собны* «брести (по снегу, грязи, воде)», тем более что известна и форма *Собва* [34]. Вместе с тем ненецкое название этой реки *Над Яха* «Котомочная река» позволяет построить и другую версию. Дело в том, что ненецкое слово *над* «мешок, котомка», и русские диалектные слова *собь* «все свое, имущество, пожитки», *собенька* «котомка» тождественны по значению. Поэтому русское название *Собь* можно рассматривать в качестве кальки с ненецкого, допуская, что на русской почве произошли утрата географического термина (*Собь-река* > *Собь*) и дальнейшее семантическое освоение топонима, в частности, его осмысление как «Собст-

венная», «Своя» река. На первый взгляд, такая семантика нехарактерна для топонимии, в действительности же она обычна: в картотеке топонимической экспедиции Уральского университета отмечено болото *Свое* (в Архангельской и Костромской областях), можно вспомнить и *Собственный сад (садик)* в парках Павловска и Гатчины в окрестностях Ленинграда.

Русские этимологии могут быть предложены и для некоторых других «темных» названий Северного Урала (*Елец, Подчерем* и т. п.).

Естественно задать вопрос, почему на «чрезкаменных» путях Северного Урала возникали русские названия, а местная иноязычная топонимия ненецкого и обско-угорского происхождения почти не сохранилась? И почему эти русские названия закрепились в среде ижемских и печорских коми?

Дело, очевидно, в том, что первоначально русские осваивали печорские волоки в ходе военных походов в Югорскую землю. Условия конфронтации не способствовали сколько-нибудь систематическому заимствованию местных названий у коренного населения — Югры и Самояди. Напротив, коми заимствовали русские названия в процессе мирных контактов — в ходе совместного с русскими освоения Северного Урала, что и объясняет сложившуюся на «чрезкаменных» путях своеобразную топонимическую ситуацию.

Структурную и семантическую специфику как севернорусских, так и уральских топонимов не следует преувеличивать, тем не менее в определенных случаях она может быть использована для обнаружения архаических названий, не зафиксированных в памятниках письменности. Выявление корнуса таких названий на Севере и на «чрезкаменных» путях в Сибирь важно с историко-лингвистической точки зрения и вместе с тем подготавливает почву для обнаружения старорусских названий XVII в. на обширной территории Сибири, пути освоения которой русскими достаточно хорошо известны. В самых различных отношениях актуален и поиск гнезд русской топонимии, воспринятой местным нерусским населением в процессе ассимиляции отдельных групп русских первопроходцев или, как это было на Северном Урале, в результате изменения торговых путей и зон хозяйственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашина Н. П.* Диалектные и архаические черты в топонимии Белозерья // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982.
2. *Витов М. В.* Севернорусская топонимия XV—XVIII вв. // ВЯ. 1967. № 4.
3. *Симина Г. Я.* Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимике Пинежья). Л., 1980.
4. *Чайкина Ю. И.* Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII—XVIII вв.) // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.
5. *Варникова Е. Н.* Из истории ойконимии Тотемского уезда // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982.
6. *Житников В. Ф.* Древнерусская лексика подсечно-огневого земледелия в топонимике Архангельской и Вологодской областей // Вопросы топониматики. Вып. 2. Свердловск, 1965.
7. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 32.
8. *Матвеев А. К.* Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // ВЯ. 1972. № 3.
9. *Борек Г. К.* Проблема восточнославянских топонимов на *-ица* // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1979.

10. *Vasmer M.* Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941. S. 22—25.
11. *Подольская Н. В.* Типовые восточнославянские топонимы. Словообразовательный анализ. М., 1983. С. 16—31.
12. *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908.
13. *Идес Н. и Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М., 1967. С. 54.
14. *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. 4. СПб., 1805. С. 274.
15. *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь Ричарда Джемса 1618—1619 годов. Л., 1959.
16. *Этимологический словарь славянских языков.* Вып. 5. М., 1978. С. 189.
17. *Шренк А. И.* Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855. С. 1959.
18. *Случевский К. К.* По северу России. Т. 1. СПб., 1886. С. 366.
19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964. С. 488.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971.
21. *Зубов Ю. М.* Поездка по Вологодской губернии. Вологда, 1911. С. 13.
22. *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969. С. 75.
23. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Миграция племен — носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ, 1981. № 2. С. 28.
24. *Агеева Р. А.* Происхождение имен рек и озер. М., 1985. С. 78—79.
25. *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке. Л., 1970. С. 260—262.
26. *Лебедев Д. М.* Очерки по истории географии в России XV—XVI ввек. М., 1956. С. 64—68.
27. Книга Большому Чертежу. М. — Л., 1950. С. 162.
28. *Кастрен А.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири. М., 1860. С. 176.
29. *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 253.
30. *Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. С. 4.
31. *Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А.* Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. С. 3.
32. *Безсонов Б. В.* Поездка по Вологодской губернии в Печорский край и будущим водным путем на Сибирь. СПб., 1909.
33. *Сибиряков А. М.* О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. СПб., 1907. С. 120.
34. *Полунин Ф. А.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. 254.